

На правах рукописи

Джаббарова Егана Яшар кзы

**ПРОЗА М. ЦВЕТАЕВОЙ: ХАРАКТЕР И СПОСОБЫ
САМОИДЕНТИФИКАЦИИ**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание
ученой степени кандидата филологических наук

Екатеринбург

2018

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы
Федерального государственного автономного образовательного учреждения
высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Снигирева Татьяна Александровна

Официальные оппоненты: **Барковская Нина Владимировна**
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
педагогический университет» (г.
Екатеринбург), профессор кафедры
литературы и методики ее преподавания

Рогачева Наталья Александровна
доктор филологических наук, ФГАОУ
ВО «Тюменский государственный
университет», заведующая кафедрой
русской и зарубежной литературы

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет», г. Казань

Защита диссертации состоится «29» ноября 2018 г. в «11-00» час. на
заседании диссертационного совета Д 212.285.15 на базе ФГАОУ ВО
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н.
Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, зал заседаний
диссертационных советов, к. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н.
Ельцина», <http://lib.urfu.ru/mod/data/view.php?d=51&rid=285486>

Автореферат разослан « » 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук
доцент

Е. Е. Приказчикова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Хорошо известно, что М. Цветаева скептически (даже негативно) относилась к прозаическому письму поэтов, но сама не только чужих, но и своих «заповедей не блюла» и прозу писала. Она оставила после себя многожанровое прозаическое наследие: письма, записные книжки, дневниковую и автобиографическую прозу, эссе, литературно-критические статьи, повесть, роман в письмах. И все это отмечено ее творческим даром, ее специфической, сразу узнаваемой манерой письма, в любом своем проявлении имеющей статус художественности. Несмотря на множество существующих работ, вопрос системного изучения прозаического наследия М. Цветаевой до сих пор остается открытым и требует дальнейшей углубленной разработки с использованием новых аспектов анализа. Рассмотрение прозы как особой жанрово-родовой формы самоопределения и саморефлексии поэта обусловило **актуальность** настоящей работы.

Научная новизна диссертации определяется, во-первых, аспектом анализа: цветаевская проза рассмотрена как пространство самоидентификации; во-вторых, выявлением трех типов самоидентификации: семейно-родового, поэтического (в терминологии Цветаевой – «поэтового»), этико-эстетического и изучением способов их проявления во всех жанрах прозы М. И. Цветаевой; в-третьих, анализом художественных способов, благодаря которым цветаевский характер самоидентификации проявлен в прозаических текстах.

Степень научной разработанности темы. При всем многообразии творческого волеизъявления М. Цветаева остается прежде всего поэтом, классиком русской поэзии XX века, в этом отношении совершенно справедливо высказывание исследователя О. А. Казниной: «...она всегда ощущала себя не писателем, а поэтом, пишущим прозу»¹. Поскольку Цветаева в первую очередь поэт, ее прозу можно отнести к феномену «прозы поэта», явление характерное фактически для всех поэтов от А. Пушкина до И. Бродского. С этой точки зрения прозаический пласт творческого наследия М. Цветаевой проанализирован многими исследователями (см., например, работы

¹Казнина О. А. Проза Марины Цветаевой. // Русская литература 1920–1930-х годов. Портреты прозаиков: В 3 т. Т. 1, кн. 2. М., 2016. С. 831.

Е. В. Канищевой², Е. В. Титовой³, Л. А. Мнухина⁴, Р. О. Якобсона⁵, Т. Ф. Семьян⁶, Ю. Б. Орлицкого⁷).

Р. О. Якобсон в «Заметках о прозе поэта Пастернака» называет «прозу поэта» «абсолютным билингвизмом»⁸. Исследование способности М. Цветаевой в совершенстве владеть вторым языком⁹, распоряжаясь двумя формами художественной речи, – основной тезис современного цветаеведения. Именно этой проблеме посвящены работы таких известных исследователей как И. В. Кудрова, А. А. Саакянц, А. В. Швейцер, И. Д. Шевеленко¹⁰. Преимущественно в поле зрения исследователей оказывается автобиографическая и мемуарная проза, анализу подвергались языковые особенности на всех уровнях текста¹¹, жанровые модификации¹² и непосредственно творческая личность, специфика ее формирования¹³.

²Канищева Е. В. Стихотворное начало в ритмической организации прозы М. Цветаевой // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. СПб, 2013. С. 16–25.

³Титова Е. В. Эссеистическое и лирическое в творчестве М. Цветаевой: характер взаимодействия // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века: Межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 2002.

⁴Мнухин Л. «Проза поэта» // Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. / сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина. М., 1998. Т. 4, кн. 2: Дневниковая проза; Из записных книжек и тетрадей; Ответы на анкеты; Интервью. С. 216 – 219.

⁵Якобсон Р. О. Заметки о прозе поэта Пастернака // Работы по поэтике: Переводы; сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова. М., 1987.

⁶Семьян Т. Ф. Визуальный облик прозаического текста. Челябинск, 2006.

⁷Орлицкий Ю. Б. Стих и проза в русской литературе. М., 2002; Орлицкий Ю. Б. «Об особенностях цветаевской прозы» // Семья Цветаевых в истории и культуре России: XV Международная научно-тематическая конференция (Москва, 8–11 октября 2007 г.). М., 2008. С. 237–251.

⁸Якобсон Р. О. Заметки о прозе поэта Пастернака // Работы по поэтике: Переводы; сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова. М., 1987. С. 324.

⁹В указанной выше работе Р. О. Якобсон называет прозу поэта вторым языком.

¹⁰Саакянц А. А. Жизнь Цветаевой. М., 2002; Швейцер В. А. Быт и бытие Марины Цветаевой. М., 1992; Кудрова И. В. Просторы Марины Цветаевой: Поэзия, проза, личность. СПб., 2003; Шевеленко И. Д. Литературный путь Цветаевой: Идеология – поэтика – идентичность автора в контексте эпохи. М., 2015.

¹¹Верескун С. А. Ассоциативно-смысловое поле цвета в прозе М. И. Цветаевой: дис. канд. филол. Ростов-на-Дону, 2012; Вольская Н. Н. Поэтика автобиографических очерков М. Цветаевой. Повтор как ведущая черта идиостиля автора: дис. канд. филол. Москва, 1999. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/poetika-avtobiograficheskikh-ocherkov-m-i-tsvetaevoi-povtor-kakvedushchaya-cherta-idiostily>; Горелкина А. В.

Словообразовательные окказионализмы в мемуарных прозаических произведениях М. Цветаевой и А. Белого: дис. канд. филол. Москва, 1999. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/slovoobrazovatelnye-okkazionalizmy-v-memuarnykh-prozaicheskikh-proizvedeniyakh-m-tsvetaevoi>;

Дударева А. А. Особенности идиостиля прозы М. Цветаевой: дис. канд. филол. Тверь, 2002. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/osobennosti-idiostilya-prozy-m-tsvetaevoi>;

Черкасова Л. П. «Яркость изнутри»: о внутренней форме слова в прозе М. Цветаевой // Русская речь. 1982. № 5. С. 52–55; Ревзина О. Г. Собственные имена в поэтическом идиолекте М. Цветаевой // Поэтика и стилистика 1988–1990. Вып. 1. М., 1991. С. 172–192.;

Сулейманова М. А. Эпистолярные тексты М. Цветаевой – проявление лингвистической креативности элитарной языковой личности. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 2. С. 249 – 253.

¹²Бунина С. Н. Автобиографическая проза М.И. Цветаевой: Поэтика, жанровое своеобразие, мировидение: дис. канд. филол. Харьков, 1999; Титова Е. В. Эссеистическое и лирическое в творчестве М. Цветаевой: характер взаимодействия // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века: Межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 2002. Вып. 5. С. 149 – 156; Федорова Е. В. «Проза поэта» как жанрово-родовой феномен (на материале «Повести о Сонечке» М. Цветаевой) // Дергачевские чтения – 2008. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Проблема жанровых номинаций: материалы IX Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2009. Т. 2. С. 250–256.

¹³Богатырева Д. А. Формы выражения авторского присутствия в мемуарной прозе М. Цветаевой: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/formy-vyrazheniya-avtorskogo-prisutstvija-v-memuarnoi-proze-m-tsvetaevoi>; Калинина О. В. Формирование творческой личности в автобиографической прозе М. И. Цветаевой о детстве поэта: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/formirovanie-tvorcheskoi-lichnosti-v-avtobiograficheskoi-proze-mi>

Наш ракурс исследования прозы М. Цветаевой продолжает традицию изучения творческой индивидуальности поэта, реализованной в прозаическом письме. Возникшие в пространстве психологии и философии, а в настоящее время конкретизированные (с учетом предмета исследования) филологией¹⁴ категории идентичности – самоидентичности чрезвычайно важны для настоящей работы. Изначально термин «идентичность» появился в философии и толковался исключительно как «тождественность». Благодаря Э. Эриксону понятие идентичности выходит за пределы философии в область психологии и определяется как непрерывная саморефлексия индивида в попытках достичь тождества самому себе, как единство двух составляющих: «данное в опыте постоянство во времени» и «тождественность себе»¹⁵.

Для нас ключевым становится филологическое значение термина «идентичность», возникшее в феноменологической герменевтике благодаря работам Ж. Делеза, Ж. Дерриды, М. Хайдеггера и других. Для понимания идентичности в литературе важно понятие «повествовательная идентичность», разработанное П. Рикёром, которое связано с особыми знаково-символическими языковыми средствами. Исследователи, занимающиеся проблемой идентичности в литературной проекции, отмечают, что авторская идентичность формируется также, как и любая иная личностная идентичность, при этом актуализируются философский, культурологический и психологический контексты произведения. М. П. Абашева, концепция которой представляется точно выверенной и апробированной на материале анализа ряда творческих индивидуальностей, пишет: «Применительно к изучению литературы персональная идентичность автора – это прежде всего индивидуальные *текстуальные стратегии авторства, исторически социально стимулированные* (выделено М. П. Абашевой. – Е. Д.). Термин “идентичность”, в отличие от более привычных в литературоведческом обиходе “самосознания”,

[tsvetaevoi-o-detstve-poeta](#); Макашева С. Ж. Творческая эволюция М. И. Цветаевой: онтология, концепция личности: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006; Одинцова И. В. Автор в повествовательной структуре автобиографической прозы М. Цветаевой // Гуманитарные исследования. 2008. № 3. С. 95–100.

¹⁴ Абашева М. П. Литература в поисках лица. (Русская проза конца XX века: становление авторской идентичности). Пермь, 2001; Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979; Вдовин Г. В. Персона – Индивидуальность – Личность. Опыт самосознания в искусстве русского портрета XVIII века. М., 2005; Гачев Г. Д. Содержательность художественных форм: Эпос. Лирика. Театр. М., 1968; Гинзбург Л. Я. Литература в поисках реальности: Статьи. Эссе. Заметки. Л., 1987; Ибрагимов М. И. Идентичность в литературе (на материале татарской поэзии XX века. // Филология и культура. Казань, 2014. № 3 (31). С. 151–154; Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994; Осьмухина О. Ю. Русская литература сквозь призму идентичности: Маска как форма авторской репрезентации в прозе XX столетия. Саранск, 2009; Петрова С. А. Авторская идентичность и понятие имиджа в литературе: теоретический аспект // Пушкинские чтения. – 2014. С. 232–236; Попова М. К. Проблема национальной идентичности и литература // Вестник ВГУ. Сер. 1: Гуманитарные науки. Воронеж, 2001. № 2. С. 45–48; Сафиуллин Я. Г. Идентичность литературная // Теория литературы: словарь для студентов. Казань, 2010. – С. 29–31; Софронова Л. А. О проблемах идентичности // Культура сквозь призму идентичности. М., 2006. С. 8–26; Цивьян Т. В. Семиотические путешествия. СПб., 2001; Эткинд А. Новый историзм. Русская версия // Новое литературное обозрение. 2001. № 47. С. 7–40.

¹⁵ Мочалова Н. Ю. Феномен персональной идентичности художника // Вестник Пермского университета. 2013. № 3. С. 96.

“самоопределения” и т.п., фиксирует заостренно-отрефлектированные и символически маркированные моменты авторского самосознания в поисках самоидентичности, его “кристаллизацию”»¹⁶.

Смыслообразующим для понимания идентичности и идентификации в литературном тексте становится сам язык. Сознание создает мир с помощью языка, а рефлексия становится своего рода «самоконструированием» личности. Неслучайно М. Хайдеггер считал поэзию объединяющим началом всех искусств, а домом бытия – язык: «Язык впервые дает имя существу, и благодаря такому именованию впервые изводит сущее в слово и явление»¹⁷. Формирование личностной, социальной и культурной идентичности невозможно без языка. В связи с этим в нашей работе используется понятие «лингводицеи», под которым понимается особое отношение к поэту как (Т)творцу – создателю не только слова, но и целого микрокосма: сам язык оказывается оправдан как инструмент (С)создателя.

В предлагаемой работе выделяются три уровня идентичности: семейно-родовая, поэтическая и этико-эстетическая, с безусловным подключением анализа компонентов социальной, национальной, культурной идентичности. Мотивировками выделения трех важнейших для М. Цветаевой уровней самоидентификации стали следующие размышления. Разрушение устойчивого уклада жизни привело поэта к постоянному осмыслению своего детства. Как образно пишет М. Степанова, «тоска по прошлому, сопутствующая ей всю жизнь, в последние годы стала использоваться ею как убежище»¹⁸. С одной стороны, семья и род становятся, «убежищем» для Цветаевой-человека, с другой – именно они позволили обозначить собственную поэтическую значимость и творческое предназначение. М. Цветаева не просто документирует уклад семьи и дома, но анализирует по прошествии времени события, повлиявшие на ее личностное и творческое становление. Реконструкция семейно-родовой истории открывает возможность объяснения индивидуально-неповторимой творческой идентичности. Проблемы семейно-родовой идентичности явлены в первую очередь в автобиографической прозе, в которой центральное место занимает сама М. Цветаева, а образы матери, отца и сестры оказываются важны, прежде всего, для убедительного воссоздания семейной истории, драматизм которой способствовал рождению поэта.

Безусловно, вопрос, связанный с позиционированием М. Цветаевой как поэта, – центральный для системы самоидентификации. Здесь важно обозначить и то, что Цветаева не просто выступает как поэт, она защищает

¹⁶ Абашева М. П. Литература в поисках лица (Русская проза конца XX века: становление авторской идентичности). Пермь, 2001. С. 10.

¹⁷ Хайдеггер М. Исток художественного творения. М., 2008. С. 207.

¹⁸ Степанова М. Прожиточный минимум (М. И. Цветаева) // Литературная матрица. Учебник, написанный писателями. XX век. СПб., 2011. С. 327.

поэтов, в том числе и саму себя, что приводит к необходимости рассматривать литературно-критические статьи, эссе и трактаты сквозь «апологию» и «самоапологию». М. Степанова трактует подобную защиту как потребность выразить голос тех, кто был не способен сказать сам, – толпы и народа: «Но толпы, выпавшие в прорехи *сверхнового времени* (курсив Степановой. – Е. Д.), не имеют ни права голоса, ни заступника. Им против собственной воли стала Марина Цветаева, всю жизнь настаивающая на исключительности собственного случая, пока он не стал почти всеобщим»¹⁹. По мнению исследователя, Цветаева выражает голос «чистой богооставленности, последнего отчаяния»²⁰.

Нестандартность цветаевской прозы выражается и неклассической субъектной организацией, так, эту прозу невозможно рассматривать сквозь теорию М. М. Бахтина о «внеаходимости автора герою», а саму Марину Цветаеву нельзя назвать «безучастным зрителем»²¹. Согласно теории М. Бахтина, автор произведения не может быть равен автору-человеку, а совпадение героя с творцом крайне редко, поскольку «в противном случае мы не получим художественного произведения»²². Тем не менее Бахтин не отрицает возможность автобиографичности героя, в случае с Мариной Цветаевой мы можем говорить о совпадении лирической героини / героини и автора, что особо важно: подобная тенденция свойственна не только автобиографической прозе поэта, но и в целом всему прозаическому наследию.

Для системно-субъектного подхода Б. О. Кормана важным становится носитель речи, «содержательно-субъектная организация текста»²³ определяется как «соотнесенность текста с носителями речи»²⁴. Кроме того, исследователь отмечает, что «субъект речи тем ближе к автору, чем в большей степени он растворен в тексте и незаметен в нем»²⁵. Цветаевская проза в этом отношении примечательна, поскольку зачастую авторский голос заглушает остальных героев, а сами персонажи даются сквозь призму авторского восприятия.

Наконец, специфика материала напрямую отсылает к размышлениям С. Н. Бройтмана о неклассической субъектной организации. Анализируя роман М. Пруста «В поисках утраченного времени», исследователь пишет: «это не просто я-повествование, ибо субъект речи здесь не герой в обычном смысле, точнее – не только герой, но и образ автора»²⁶, важным становится изображение

¹⁹ Степанова М. Прожиточный минимум (М. И. Цветаева) // Литературная матрица. Учебник, написанный писателями. XX век. СПб., 2011. С. 317.

²⁰ Там же.

²¹ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров. М., 1979. С. 16.

²² Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Собрание сочинений: В 7 т. М: Русские словари, 2003. Т. 1. С. 80.

²³ Корман Б. О. Итоги и перспективы изучения проблемы автора // Страницы истории русской литературы. М., 1971. С. 199-207. С. 202.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. / Под ред. Н. Д. Тмарченко. Т. 2: Бройтман С.Н. Историческая поэтика. М., 2004. С. 260.

«личности»²⁷. Совершенно справедливо Бройтман размышляет о сущности неклассического автора и соотношении творца и «Другого»: «В связи с этим и в поэзии, и в прозе рубежа веков наряду с традиционными возникают такие субъектные формы, основой которых становится не аналитическое различие «я» и «Другого», а их изначально нерасчленимая интерсубъектная целостность»²⁸. Важно отметить категорию «неклассический автор», которым, безусловно, и является М. Цветаева, во многом потому что это «...поэт, создающий “прозу поэта”, т. е. особый род мемуаристики и художественно-публицистической прозы, характеризующейся повышенной личностью и эмоциональностью тона»²⁹.

Итак, ключевыми терминами в нашей работе станут «автор» (тождественный М. И. Цветаевой), что обосновано стремлением поэта к самоидентификации; «герой», «героиня» и «персонаж», понятие «повествователь» не используется, поскольку сама природа «прозы поэта» противоречит этому. Понятие «самоидентификация», вслед за исследователями, трактуется как «самообнаружение»³⁰, точнее – абсолютное тождество самому себе, обретение которого становится главной целью поэта в прозе.

Методологическая основа работы представляет собой комплекс подходов. Материал потребовал привлечения междисциплинарных методов, изложенных в трудах философов, психологов, теоретиков культуры (Л. С. Выготский, Ж. Делёз, Ж. Деррида, Н. Н. Козлова, А. Ф. Лосев, Л. И. Мазур, К. С. Пигров, П. Рикёр, П. А. Флоренский, А. Н. Чистяков, А. Ю. Шеманов, Э. Эрикссон). В части литературоведческого анализа исследование выполнено в соответствии с принципами исторической поэтики, которая «изучает не только генезис и развитие системы категорий, но и само искусство слова в его историческом становлении»³¹. Поскольку феномен прозы поэта уходит своими корнями в историю жанра, важную роль играет концепция речевых жанров М. М. Бахтина.

Для анализа способов самоидентификации потребовалось обращение к работам лингвистического характера. Так, при исследовании основного мотивного комплекса используется особый инструментарий – прочтение текстов сквозь специфику местоименно-именной парадигмы. Как отмечают исследователи Е. Г. Кашицына и М. Г. Милютина, «для поэтической прозы Марины Цветаевой характерна *индивидуально-авторская антонимия* (выделено Кашицыной и Милютиной. – Е. Д.), нестандартная, незафиксированная в каком-либо антонимическом словаре, при этом проявляющая себя порой в совершенно

²⁷Там же. С. 266

²⁸ Там же. С. 253.

²⁹Орлицкий Ю. Б. Динамика стиха и прозы в русской словесности. М., 2008. С. 31.

³⁰ Там же. С. 32.

³¹Бройтман С. Н. Историческая поэтика // Теория литературы в 2 т. Т.2. М., 2014. С.4.

неожиданных разрядах слов»³². К таким словам исследователи относят и личные местоимения, что подтверждает необходимость рассмотрения местоименных парадигм. Важными для точной характеристики способов самоидентификации М. Цветаевой стали работы текстологов, представленные в отдельном издании писем поэта с примечаниями А. А. Саакянц и Л. А. Мнухина и в редком книжном издании «Красная тетрадь» под редакцией Е. И. Лубянниковой и А. И. Поповой³³.

Формирование целостного представления о творческом и личностном развитии Цветаевой, реализованном в прозе поэта, сделало необходимым выделение ключевых антиномий и концептов в их структурных связях, прослеживаемых в произведениях различных жанровых модификаций, что возможно только при обращении как к «зрелому», так и «начальному» этапам творчества. Это обстоятельство определило выбор **материала** диссертационного исследования в пользу следующей совокупности прозаических текстов: «Волшебство в стихах Брюсова» (1910), «То, что было» (1912), «О любви» (1917), «Грабеж» (1918), «Расстрел царя» (1918), «Покушение на Ленина» (1918), «Чесотка» (1918), «Fräulein» (1918), «Ночевка в коммуне» (1918), «Воин Христов» (1918), «О благодарности» (1919), «О Германии» (1919), «Отрывки из книги “Земные приметы”» (1919), «Чердачное» (1920), «Световой ливень» (1922), «Кедр» (1923), «Возрожденщина» (1925), «Поэт о критике» (1926), «Мой ответ Осипу Мандельштаму» (1926), «О новой русской детской книге» (1931), «Эпос и лирика современной России» (1932), «Поэт и время» (1932), «Искусство при свете совести» (1932), «Письмо к Амазонке» (1932), «Флорентийские ночи» (1932), «Два “Лесных Царя”» (1933), «Дом у старого Пимена» (1933), «Поэты с историей и без истории» (1933), «Лавровый венок» (1933), «Жених» (1933), «Башня в плюще» (1933), «Китаец» (1934), «Страховка жизни» (1934), «Чудо с лошадьми» (1934), «Хлыстовки» (1934), «Сказка матери» (1934), «Мать и музыка» (1934), «Черт» (1935), «Поэт-альпинист» (1936), «Отец и его музей» (1936) «Мой Пушкин» (1937), «Пушкин и Пугачев» (1937), «Повесть о Сонечке» (1937).

Объектом исследования является бóльшая часть цветаевской прозы, за исключением записных книжек и писем.

Предмет исследования – приемы и особенности, характеризующие все три вида авторской самоидентификации в прозе поэта.

Теоретическая значимость диссертации состоит в разработке системы приемов анализа характера и способов авторской самоидентификации в прозаическом письме поэта.

³²Кашицына Е. Г., Милютина М. Г. Особенности организации антонимической системы в прозе М. И. Цветаевой // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2012. № 2. С. 129.

³³ Цветаева М. И. Девять писем. /сост., пер. с французск., коммент. Ю. П. Клюкина. М., 1999; Цветаева М. И. Красная тетрадь / сост., подгот. текста, примеч. Е. И. Лубянниковой и А. И. Поповой; Перевод А. И. Поповой; Статьи А. И. Поповой и Ж. Нива. Спб., 2013.

Практическая значимость диссертации определяется применимостью результатов исследования как при чтении базовых курсов по истории русской литературы XX века, так и в качестве материала к специальным курсам, посвященным феномену прозы поэта.

Степень достоверности результатов обеспечивается:

– системным изучением собрания сочинений Марины Цветаевой 1997 года с текстологическими комментариями Л. А. Мнухина и А. А. Саакянц; (Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. / М. И. Цветаева; [Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина]. – М., 1997–1998);

– анализом основных подходов к исследованию прозаического наследия Марины Цветаевой;

– опорой на классические и новейшие теоретические разработки, посвященные проблемам целостности художественного произведения, теории жанра, мифопоэтике, проблемам идентичности.

Основная **цель** диссертационного исследования – исследовать специфику семейно-родовой, поэтической, этико-эстетической идентичности прозы М. Цветаевой, проанализировать способы выражения авторской идентичности в тексте.

Данная цель обусловила решение ряда **задач**:

1. Системно охарактеризовать особенности семейно-родовой идентичности М. Цветаевой путем анализа предметности и вещественности в автобиографической прозе М. Цветаевой, проведенного с учетом функциональности антиномии «исчезновение» / «память».
2. Исследовать мотивный комплекс «свой» / «чужой», а также принципы «объединения» / «отчуждения» в автобиографической прозе поэта с позиций семейной и социальной самоидентификации.
3. Рассмотреть основы поэтической идентичности в художественном мире Марины Цветаевой.
4. Проанализировать жанровую специфику цветаевской апологии, отличающейся от традиционной. Исследовать авторскую апологию как интенцию и как «скрытую самоапологию».
5. Обозначить феномен «лингводицеи», свойственный прозаическим произведениям М. Цветаевой.
6. Охарактеризовать этико-эстетическую самоидентификацию М. Цветаевой.
7. Отметить ключевые самохарактеристики поэта, свойственные художественной прозе.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Три уровня идентичности: семейно-родовой, поэтический и этико-эстетический – образуют целостную систему, достаточную для исследования характера и способов самоидентификации М. Цветаевой.

2. Семейно-родовая самоидентификация М. Цветаевой осуществляется главным образом в рамках автобиографической прозы посредством мотивных комплексов «память» и «исчезновение», а также антиномии «свой» / «чужой».

3. Поэтическая самоидентификация М. Цветаевой реализуется главным образом в литературно-критической прозе, в категориях «апология», «самоапология» и «лингводицея».

4. Этико-эстетическая самоидентификация М. Цветаевой в дневниковой и художественной прозе воплощена в мотивном комплексе «истинное» / «ложное», а также в системе таких образов и лейтмотивов, как «умысел», «воплощение», «сон», «судьба», «смерть».

5. Очерк «Мой Пушкин» являет собой квинтэссенцию всех уровней авторской самопрезентации.

Апробация промежуточных результатов исследования проходила на научных конференциях: XI Всероссийской научной конференции «Дергачевские чтения – 2014» (Екатеринбург, 2014), Международной научной конференции «Пушкинские чтения – 2015» (Санкт-Петербург, 2015), IV Международной конференции молодых ученых «*Litteraterra*: проблемы поэтики русской и зарубежной литературы – 2015» (Екатеринбург, 2015), III Всероссийской научной конференции с международным участием – 2015 (Челябинск, 2015), VIII Международных Цветаевских чтениях – 2016 (Елабуга, 2016), V Международной конференции молодых ученых «*Litteraterra*: проблемы поэтики русской и зарубежной литературы – 2016» (Екатеринбург, 2016), XII Всероссийской научной конференции «Дергачевские чтения – 2016» (Екатеринбург, 2016), VI Международной конференции молодых ученых «*Litteraterra*: проблемы поэтики русской и зарубежной литературы – 2017» (Екатеринбург, 2017).

Структура диссертации определена целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы (255 поз.). Общий объем диссертации составляет 203 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы, ставится цель исследования и задачи, решение которых необходимо для ее достижения. Определяется научная новизна диссертации, ее методологическая база, теоретическая и практическая значимость, описывается степень разработанности проблемы, сформулированы положения, выносимые на защиту.

В первой главе «**Самоидентификация М. Цветаевой в семейно-родовой парадигме (автобиографическая проза)**» исследуются характер

самоидентификации и способы ее реализации в посвященной истории семьи и истории взросления прозе.

Параграф 1.1. «Восстановление идентичности: персонажный и предметный мир детства» посвящен анализу автобиографической прозы (главным образом 1930х гг.), жанровая природа которой предполагает саморефлексию. М. Цветаева зрелого периода творчества сознательно реконструирует историю семьи и рода. Воспоминания о матери и отце поддержаны памятью предметного мира семьи. Образ матери неразрывно связан с мотивом музыки, воплощенного в образе рояля. Образ отца неотделим от музея, конкретизированного предметным описанием: «Смело скажу, что статуи в тот первый день музейного бытия казались живее людей, не только казались, но – были, ибо каждую из них, с живой заботой отлитую мастером, со всей заботой живой любви собственноручно вынимал из стружек мой отец, каждую, с помощью таких же любящих, приученных к любви простых рук, устанавливал на уготованном ей месте, на каждую, отступив: “Хороша!”»³⁴ Образ лаврового венка, принесенного в дом семьи, становится как символом безусловных заслуг отца для русской культуры, так и знаком-предчувствием его скорой смерти: «Отец мой скончался 30 августа 1913, год и три месяца спустя открытия музея. Лавровый венок мы положили ему в гроб»³⁵.

Погружаясь в собственное детство, Марина Цветаева не только возвращается к истокам личностной идентичности, но и заявляет о себе как о человеке иной природы. Как следствие, возникает противопоставление поэта и «обывателя». Полифония окружающих голосов неизбежно сменяется монологом самой М. И. Цветаевой, ибо только поэт способен воссоздать утраченную реальность. Ключевым явлением в любом диалоге остается цветаевское восприятие не только другого, но и мира в целом. Так, за рукопожатием чесоточного кроется то бесстрашие, которое сопровождало Цветаеву всю жизнь: «Рукопожатие, воистину чреватое последствиями: тебе, чесоточному, уверенность в моей благосклонности и посему (учитывая чесотку!) вдвойне бессонная ночь: мне, не чесоточной, – чесотка и посему (учитывая твою уверенность!) тоже вдвойне бессонная ночь»³⁶.

Предметный мир автобиографической прозы М. Цветаевой связан с мотивным комплексом память / исчезновение. Воспоминания о предметах обнажают механизм конструирования основ идентичности, иллюстрируют рано сформировавшуюся специфику цветаевского мировидения: «Предлагали идти отбирать вещи. С содроганием отвергла. Как я – живая (то есть – счастливая, то

³⁴ Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5, кн. 1: Автобиографическая проза; Статьи; Эссе / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. М., 1997. С. 167.

³⁵ Там же. С. 179.

³⁶ Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5, кн. 1: Автобиографическая проза; Статьи; Эссе / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. М., 1997. С. 179.

есть – богатая), пойду отбирать у него, мертвого, его последнюю добычу?!»³⁷Позиционирование себя как поэта является важнейшей чертой цветаевской самоидентификации и главной задачей автобиографической прозы. Благодаря своему творческому предназначению М. Цветаева отказывается от общепринятого.

В параграфе 1.2. «Оппозиция «свой» / «чужой» как способ семейной, национальной и социальной самоидентификации» анализируются очерки «Жених» (1933), «То, что было» (1912), «Китаец» (1934), «Страховка жизни» (1934), «Чудо с лошадьми» (1934), «Черт» (1935).

Ключевыми для цветаевского текста становятся принципы «объединения» и «отчуждения», именно эти процессы позволяют осуществить самоидентификацию и обнажают цветаевское самоопределение. Первая смысловая ситуация побуждает Цветаеву к объединению либо с семьей (в частности, с сестрой Асей), либо с этнической группой и народом, включая «эмигрантов и чужаков». Вторая ситуация «отчуждения» применяется по отношению к герою, которого Цветаева сознательно дистанцирует, тем самым выражая собственное отношение к нему.

Семейная самоидентификация осуществляется благодаря Асе, именно она олицетворяет для Цветаевой «семью» в условиях эмиграции. Поскольку М. И. Цветаева оказывается вне России, актуализируется культурный контекст, возникает естественная для такой ситуации национальная самоидентификация. Важным для поэта станет обозначение «русские»: «Не завидуя, ибо мы скифы – или сарматы – или славяне (невольники, татары, варвары) – словом, русские не завистливы и умеем утешаться, когда красота проплывает мимо нас»³⁸. М. Цветаева сознательно выходит за рамки общепринятых норм, подчеркивая нестандартность собственных личных представлений, затем транслируемых в творчестве. Это не только свидетельствует о трансгрессии, но и позволяет автору подчеркнуть свое предназначение: «Это ты разбивал каждую мою счастливую любовь, разъедавая ее оценкой и добивая гордыней, ибо ты решил меня *поэтом* (курсив наш– Е. Д.), а не любимой женщиной»³⁹.

Отказ от бытового и «человеческого», в том числе и от личного счастья, становится способом борьбы с действительностью: противопоставление себя всему и, как следствие, обособление от других. Принципиально присутствие «Другого», выступающего как обязательное условие цветаевского восприятия и авторефлексии и приводящее к установлению антиномии «свой» / «чужой». Главным становится уже не просто цветаевское именование себя поэтом (это утверждается во всей прозе М. Цветаевой), а иллюстрация всех последствий

³⁷ Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 4, кн.2: Дневниковая проза; Из записных книжек и тетрадей; Ответы на анкеты; Интервью / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. М., 1997. С. 78.

³⁸ Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5, кн. 1: Автобиографическая проза; Статьи; Эссе / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. М., 1997. С. 222.

³⁹ Там же. С. 54.

подобного выбора. Происходит последовательное наращение смыслов, не просто «поэт», а «трагический поэт».

Параграф **1.3. «Приемы самообнаружения личности»** обращен к очеркам «Дом у старого Пимена» (1933), «Мать и музыка» (1934), «Сказка матери» (1934), «Хлыстовки» (1934).

Исчезновение предметов, гибель России и привычного уклада вещей, смена культурных кодов подводят Цветаеву к проблеме родовой идентичности. Субъективность преобразуется во вторичную рефлексивность, а самообнаружение или нахождение тождества самому себе оказывается возможным благодаря объединению с сестрой, выраженному личными местоимениями. Антиномия «свой» / «чужой» выражается через дихотомию «наш дедушка» / «чужой дедушка» и оппозицию «наш» / «иловайский». Объединение через единственное неизменное – кровное родство – позволяет М. Цветаевой заново обрести себя, преодолев вынужденное одиночество. Авторское отношение во многом выражается посредством трансформации имен собственных, в частности, в доминировании сокращений вместо полной формы имени у взрослых членов семьи и использовании уменьшительно-ласкательных форм в обозначении детей, благодаря чему формируется антиномия «ребенок» / «взрослый».

Частотность употребления местоименной парадигмы «я» / «мой» в данном случае вполне предсказуема и определена особенностями автобиографической прозы. Важнее стремление М. И. Цветаевой вновь обозначить свое творческое предназначение и главную характеристику – поэт: «После такой матери мне оставалось только одно: стать поэтом»⁴⁰. И не просто поэтом или «трагическим поэтом», а поэтом-романтиком – принципиальная для М. Цветаевой характеристика. Воскрешая память и конструируя образ семьи, она соотносит свое «я» с историей рода и одновременно их противопоставляет, попутно творя особый миф о трагическом поэте-романтике.

Вторая глава **«Самоидентификация М. Цветаевой и апология поэта (литературно-критическая проза)»** посвящена филологическим трактатам, критическим статьям, рецензиям и эссе, в которых Цветаева сознательно выбирает образ «защитницы», а личностная и поэтическая идентичность сливаются воедино.

В параграфе **2.1. «Апология как жанр»** проведен анализ работ «О новой русской детской книге» (1931), «Два “Лесных Царя”» (1933), «Возрожденщина» (1925), «Поэт-альпинист» (1936), «Кедр» (1923), рассмотрены индивидуальные приемы, позволяющие говорить о цветаевской апологии как жанре. Апология как жанр характеризуется специфическими авторскими чертами, к которым относятся: частотное цитирование чужого

⁴⁰Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5, кн. 1: Автобиографическая проза; Статьи; Эссе / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. М., 1997. С. 31.

текста, наличие авторских ремарок, создание литературных параллелей, трансформация имен собственных. Частотное цитирование чужого текста с обилием авторских ремарок может как возвышать объект, так и принижать. К примеру, в статье «Возрожденщина» М. Цветаева открыто иллюстрирует свою неприязнь к Цурикову, оспаривая его утверждения: «В этом нравоучительном примере Герцена и Ленина оскорблен именно читатель (г. Цуриков о портретах: “грубое оскорбление читателя”) – и не только рядовой газетный»⁴¹. В статье «Поэт – альпинист» Цветаева, напротив, возвеличивает другого автора и аргументирует собственные убеждения: «Теперь – ответ. И этот ответ будет показ. Может или не может существовать в эмиграции поэт? Но он уже – *существует* (курсив Цветаевой. – Е. Д.)»⁴². Функциональная значимость именных парадигм и имен собственных обусловлена стремлением М. Цветаевой доказать и аргументировать не только свои авторские стратегии, но и величие другого поэта. Строгая избирательность литературных параллелей позволяет выстроить ряд «своих» авторов, определяя понимание творца в целом, а появление категории «читатель», с которой Марина Цветаева идентифицирует себя, позволяет точнее охарактеризовать автора, о котором ведется речь.

Сосредоточенность на «Другом» объясняет сознательное дистанцирование М. Цветаевой, и, как следствие, отсутствие местоименной парадигмы «я» / «мой». Личностно-этические представления оказываются слиты с творческим самосознанием, что позволяет Цветаевой отстоять собственную систему ценностей и выстроить антиномии «свои» / «чужие», «подлинное» / «неподлинное», которые закономерно подчеркивают самоидентификацию Цветаевой как защитницы истинных поэтов.

Второй тип апологии раскрывается в параграфе 2.2. «**Апология как интенция или “скрытая самоапология”**». Отмечено, что данный вид апологии характеризуется сознательной позицией защиты другого, что не исключает возможности репрезентации и реализации собственных творческих и художественных установок. К «скрытой апологии» мы относим статьи «Световой ливень» (1922), «Поэты с историей и без истории» (1933), «Эпос и лирика современной России» (1932), «Поэт и время» (1932), «Поэт о критике» (1926), «Мой ответ Осипу Мандельштаму» (1926).

Специфика данного типа апологии заключается в стремлении М. Цветаевой идентифицировать себя как писателя и создать собственную творческую биографию благодаря другому автору. В связи с этим появляются концепты и антиномии, значимые для самоидентификации Цветаевой, к примеру, «подлинное» / «неподлинное» и «человеческое» / «божественное».

⁴¹ Там же.

⁴² Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5, кн. 2: Статьи; Эссе; Переводы / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. М., 1997. С. 137.

Неслучайно возникает позиция «уединенности», о которой М. И. Цветаева пишет в статье «Эпос и лирика современной России»: «Творчество – общее дело, творимое уединенными»⁴³. Отметим, что уединенность как необходимость личностного самосознания не отменяет творческой коллективности, которая выражается путем построения литературных параллелей. Защищая других поэтов, Цветаева пишет о потаенном, но важном для ее самопознания принципе равноправности для поэзии индивидуального и общечеловеческого начал. Она стремится найти «поэтический идеал» и дать общее представление о поэтической личности в условиях деформирующего времени. Процесс идентификации, или отождествления себя с «Другим», позволяет М. Цветаевой проиллюстрировать свое поэтическое и творческое равенство / неравенство с современниками. Цветаева подробно рассматривает «вообще-время» (вечность) и «под-время» (бытовое или обыденное время) и утверждает: «Все мы волки дремучего леса Вечности»⁴⁴. Личное местоимение множественного числа «мы» в данном случае не снимает индивидуалистическую позицию М. И. Цветаевой и не является способом указания на многочисленность, напротив – становится очевидна избранность творца как представителя вечности.

В параграфе **2.3. «Феномен лингводицеи как апология поэзии»** анализируются две работы поэта: статья «Волшебство в стихах Брюсова» (1910) и трактат «Искусство при свете совести» (1932).

Ключевым условием существования художественного мира и мира в целом становится «лингводицея», а цветаевская самоидентификация уже не ограничивается исключительно личностным пониманием себя как «поэта». Цветаева ставит задачу защитить поэзию как стихию, акцент смещается с отдельного субъекта непосредственно на природу поэтического: «Пока ты поэт, тебе гибели в стихии нет, ибо все возвращает тебя в стихию стихий – слово»⁴⁵.

Трансгрессивная интенция здесь оказывается основополагающей. К примеру, поэт трактует стихию как Чуму: «Растворись он (творец. – Е. Д.) в чуме – он бы этой песни написать не мог. Открестись он от чумы – он бы этой песни написать не мог (порвалась бы связь)»⁴⁶. М. И. Цветаева сознательно отказывается от традиционных этических категорий, утверждая их невозможность. В частности, принципиально иное (цветаевское) понимание совести выводит к важнейшей антиномии (Т)творец – Бог, а сама по себе совесть как категория этическая не может быть мерилем творца, поскольку творчество само по себе вырастает из злого начала, невозможного при Боге: «Художественное творчество в иных случаях некая атрофия совести, больше

⁴³ Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5, кн. 2: Статьи; Эссе; Переводы / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. М., 1997. С. 72.

⁴⁴ Там же. С. 21.

⁴⁵ Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5, кн. 2: Статьи; Эссе; Переводы / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. М., 1997. С. 29.

⁴⁶ Там же. С. 27.

скажу: необходимая атрофия совести, тот нравственный изъян, без которого ему, искусству, не быть»⁴⁷.

Феномен лингводицеи (оправдания Слова) в его соотношении с апологией поэзии свидетельствует о том, что, с одной стороны, поэт пытается дистанцироваться и говорит о поэзии как волшебстве, силе, возвышающейся над пишущим и его субъективностью, с другой – стремится к объединению с другими поэтами и выстраивает принципы самоощущения. Ключевой становится идентификация себя как творца, созидателя и создающего собственную поэтическую реальность.

Третья глава «**Самоидентификация М. Цветаевой в контексте личностного этико-эстетического сценария (дневниковая и художественная проза)**» начинается параграфом 3.1. «**Дневник как публичная самопрезентация**», в котором рассматриваются как традиционные, так и нестандартные приемы, используемые М. Цветаевой в дневниковой прозе. Так, благодаря наличию черт традиционных для жанра дневника осуществляется «вписывание в память жанра»⁴⁸. К этим чертам относятся фрагментарность повествования, субъективность, стремление к датировке происходящих событий, цитирование чужой речи, автокоммуникативность.

Уникальность цветаевского дневника заключается в том, что М. Цветаева «манифестирует» себя и свои представления о действительности, напрямую обращаясь к виртуальному читателю, что несколько противоречит самому жанру дневника как разговору исключительно с самим собой и указанной выше автокоммуникативности: «Меня не купишь. В этом вся суть. Меня можно купить только сущностью. (То есть – сущность мою!) Хлебом вы купите лицемерие, лжеусердие, любезность, – всю мою пену... если не накипь»⁴⁹. Тот факт, что большая часть дневниковой прозы будет опубликована при жизни автора, свидетельствует о том, что Цветаева рассчитывала на публичность.

К сугубо цветаевским приемам дневниковой прозы, функционирующей отлично от традиционной, относятся следующие:

– афористичность высказываний поэта, которая отличается от фрагментарности: «Душа есть долг. Долг души – полет»⁵⁰;

– тематическое обозначение записей, в частности, наличие заголовков «О любви», «О Германии»;

– имплицитное присутствие читателя, концентрация не только на личных переживаниях, но и на внешних событиях⁵¹.

⁴⁷Там же. С. 31.

⁴⁸Лейдерман Н. Л. Теория жанра: Научное издание. Екатеринбург, 2010. С. 86.

⁴⁹Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 4, кн. 2: Дневниковая проза; Из записных книжек и тетрадей; Ответы на анкеты; Интервью / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. М., 1997. С. 97.

⁵⁰ Там же. С. 133.

⁵¹Большая часть писательских, особенно поэтических, дневников концентрировалась преимущественно на внутренних переживаниях, в отличие от цветаевского способа характеристики окружающей действительности.

М. И. Цветаева не просто размышляет о сути себя и мира, она стремится показать воплощение сущности: «Музыка – понятие, голос – воплощение»⁵². Именно соотношение «сущность» / «воплощение» обеспечивает один из важнейших психологических сюжетов дневниковой прозы. Создавая собственное «зеркало микрокосма», М. Цветаева приветствует «Другого» и использует любую возможность диалога, поскольку посредник позволяет ей выразить и обозначить себя.

В параграфе 3.2. «Мотив истинной и ложной предназначенности в художественной прозе М. Цветаевой» предпринимается попытка проанализировать ключевые мотивные комплексы и антиномии, свойственные цветаевской прозе «Повесть о Сонечке» (1937), «Письмо к Амазонке» (1932), «Флорентийские ночи» (1932).

Здесь, в отличие от других работ поэта, актуализируются проблемы гендера. Личностная идентификация в художественной прозе дополняется попыткой гендерного самоощущения, чрезвычайно болезненного как для Цветаевой-человека, так и для Цветаевой-творца. Построение личностной идентичности чаще всего сопровождается фигурой «другой»: Софьей Голлидэй или Натали Барни-Клиффорд, которые становятся «зеркалом» цветаевского мировидения.

Характеризуя способы идентификации в собственно прозе, отметим наличие двух типов предназначенности: истинной и ложной. Истинная предназначенность являет себя посредством мотивных комплексов «любовь», «судьба», «смерть» и влечет за собой появление адресата, которому и пишет М. И. Цветаева. В рамках манифестации могут различаться лишь способы ее выражения. Так, характеризуя Сонечку Голлидэй, поэт не только обращается к предметности, но и акцентирует внимание на местоименных парадигмах «я» / «мой» и «мы» / «наш»: «Так она для всех и сразу и стала моей Сонечкой – такая же моя (курсив Цветаевой. – Е. Д.), как мои серебряные кольца и браслеты – или передник с монистами – которых никому в голову не могло прийти у меня оспаривать – за никому, кроме меня, ненужностью»⁵³; «О нас с ней в церкви не пели и в Евангелии не писали»⁵⁴.

В «Письме к Амазонке» цветаевская самоидентификация дополняется позицией материнства: «Ибо Ребенок есть врожденная данность, он в нас еще до любви, до возлюбленного»⁵⁵. Эпистолярный роман «Флорентийские ночи» сразу же выделяется наличием адресата-мужчины. Постулируется смыслообразующее для цветаевского художественного мира понятие умысла

⁵²Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 4, кн. 2: Дневниковая проза; Из записных книжек и тетрадей; Ответы на анкеты; Интервью / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. М., 1997. С. 126.

⁵³Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 4, кн. 1: Воспоминания о современниках / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. М., 1997. С. 303.

⁵⁴ Там же. С. 404.

⁵⁵Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5, кн. 2: Статьи; Эссе; Переводы / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. М., 1997. С. 167.

как чистого намерения, идущего от сердца: «Сущность – умысел, слышна только слухом»⁵⁶; «Я никогда не бываю благодарной людям за поступки – только (курсив Цветаевой. – Е. Д.) за сущности. Хлеб, данный мне, может оказаться случайностью, сон, виденный обо мне, всегда сущность»⁵⁷.

С одной стороны, М. Цветаева показывает то неисчерпаемое одиночество, в котором она живет, с другой – стремится к доверию в поисках абсолютной любви (слуха).

Параграф 3.3. «**“Пушкинский текст” М. Цветаевой: единство самоидентификации**» включает в себя анализ таких смыслообразующих для поэта произведений как эссе «Мой Пушкин» (1937) и очерк «Пушкин и Пугачев» (1937). Эти работы являют собой жанровый, смысловой и мотивно-концептуальный синтез, связанный с самоидентификационным комплексом М. Цветаевой. Семейно-родовая, поэтическая, личностно-этическая типы идентичности М. Цветаевой невозможны без обращения к А. С. Пушкину, как к первому и главному поэту.

Анализ семейно-родовой идентичности иллюстрирует прочную связь между Пушкиным и матерью Цветаевой – А. И. Мейн: мать знакомит девочку Мусю с его творчеством, уход матери из жизни сопряжен в ее сознании с гибелью поэта.

Формирование этико-эстетических категорий поэта также не обходится без Пушкина, и его героев – в частности, Татьяны. Цветаевское понимание любви и таких основополагающих концептов, как «расставание», «невстреча», «невзаимность», «гордость», буквально возвращено на отношениях Татьяны и Онегина: «Скамейка, на которой они *не* (здесь и далее курсив Цветаевой. – Е. Д.) сидели, оказалась предопределяющей. Я ни тогда, ни потом, никогда не любила, когда *целовались*, всегда – когда *расставались*. Никогда – когда *садились*, всегда – *расходились*»⁵⁸.

При анализе поэтической идентичности становится очевидно, что для Цветаевой Пушкин выступает в двух ипостасях: как учитель и как поэт. Именно тот факт, что Пушкин и Цветаева – поэты, делает возможным равноправный диалог между ними. Благодаря этому диалогу будущий поэт Марина Цветаева, будучи еще маленькой девочкой, выстраивает важнейшую для художественного мира антиномию «поэт» / «все» и сознательно выбирает роль защитницы поэта и гения. Ключевыми мотивными комплексами становятся мотивы «поэт» и «толпа»: «Было двое: любой и один. То есть вечные действующие лица пушкинской лирики: поэт – и чернь»⁵⁹. «Мой Пушкин» и «Пушкин и Пугачев»

⁵⁶ Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 4, кн. 2: Дневниковая проза; Из записных книжек и тетрадей; Ответы на анкеты; Интервью / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. М., 1997. С. 96.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5, кн. 1: Автобиографическая проза; Статьи; Эссе / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. М., 1997. С. 71.

⁵⁹ Там же. С. 57.

не только обозначают важнейшую для М. И. Цветаевой и для всей русской литературы «пушкинскую тему», но и являются ключевыми для характеристики цветаевской самоидентификации мотивные комплексы.

В **Заключении** подводятся итоги исследования. Прделанный анализ прозы М. Цветаевой в аспекте проблемы самоидентификации и способов ее решений, позволил сделать следующие выводы.

Исследование семейно-родового уровня самоидентификации показало, что М. И. Цветаева предпринимает попытку самоанализа, в которой ее личная сущность «обречена» на творческое предназначение. При этом нельзя сказать, что автобиографическая проза является собой исключительно эго-текст, ориентированный только на саму М. Цветаеву. Важным становится фактор объединения с семьей, реализуемый благодаря последовательно создаваемой местоименной парадигме «мы / наш». Местоимение «мы» используется в трех вариантах: для обозначения близости с сестрой Асей (*я и Ася*), для восприятия себя в контексте семьи (в особенности при разговоре о предметной атмосфере дома), при объединении с этнической или социальной группой (эмиграция). Эмигрантский конфликт «свой / чужой» впоследствии перерастает в философские дихотомии «живой / мертвый», «нужный / ненужный». Память становится своеобразным инструментом, с помощью которого поэт стремится уйти от настоящего и переоценить события прошлого. В автобиографической прозе явлен процесс формирования комплекса отказа от общепринятого, который является одним из важнейших в самоидентификации М. Цветаевой.

Жанровый анализ цветаевской апологии привел к выявлению некоторых черт поэтической самоидентификации Цветаевой. Исходя из материала (эссе, рецензии, историко-литературные статьи, филологический трактат), апология понимается двояко: «подлинная» апология, реализуемая как жанр, и «скрытая самоапология», характеризуемая наличием защитительного пафоса и отсутствием структур и приемов, свойственных апологии как жанру. Главными субъектами цветаевской апологии первого типа выступают самые беззащитные и потому особо нуждающиеся в защите категории людей: ребенок, эмигрант и учитель.

Второй тип апологии – апология как интенция или «скрытая самоапология» – реализует себя в произведениях, защищающих поэта. М. И. Цветаева стремится к собственной творческой автопрезентации и реализации ключевых творческих стратегий. Возникают особые антиномии: «поэт» – «время», «поэт» – «эпоха», «поэт» – «критик», утверждается общетворческое «я». Самой важной становится та миссия, которую вполне сознательно и взвешено берет на себя Цветаева: роль защитницы, почти покровительницы, оберегающей остальных. Примечательно, что в прозе, посвященной детству поэта, подобная роль еще не провозглашается как

основная. В литературно-критических работах о других поэтах М. Цветаева уже не сомневается в своем творческом предназначении и четко определяет эстетические ориентиры и художественные постулаты.

Апология поэзии и поэтического оказывается связана с понятием «лингводицеи», для которого характерно особое отношение к поэту, как творцу микро- и макрокосмоса. Лингводицея объясняет не только цветаевский смысл понятий «поэт», «искусство», «совесть», «поэзия», но и конструируемые Цветаевой соотношения «совесть» – «добро», «чума» – «зло», «дозволенное» – «недозволенное», «человек» – «поэт».

В центре внимания личностной, в том числе гендерной, этико-эстетической самоидентификации М. Цветаевой стали ее дневники и собственно проза (повесть, роман в письмах). Так, дневник выступает не просто как форма фиксации действительности, но и как фиксации мысли. Цветаева приветствует другого и использует любую возможность диалога, поскольку посредник позволяет ей выразить и обозначить себя.

Анализ «Повести о Сонечке», «Письма к Амазонке» и романа «Флорентийские ночи» привел к выделению категорий «истинной» и «ложной» предназначенности. Завершающий диссертационную работу анализ произведений «Мой Пушкин» и «Пушкин и Пугачев» свидетельствует о том, что доминантной чертой самоидентификации Цветаевой становится трансгрессивность, выход за рамки любой установленной нормы. Не случайно вместе с сознательным выбором поэтического предназначения М. Цветаева выбирает и судьбу, обозначая ее как «черную жизнь».

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

**Статьи в рецензируемых научных журналах и изданиях,
рекомендованных ВАК РФ:**

1. *Джаббарова Е. Я.* Лингводицея Марины Цветаевой («Искусство при свете совести») // Филология и культура. Philology and Culture. Филологические науки. Литературоведение. 2017. № 1 (47). С. 156 – 162; 0,83 п.л.
2. *Джаббарова Е. Я.* Предметный мир и семиотика местоимений в автобиографической прозе М. Цветаевой // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2017. № 2 (163). Т. 19. С. 102–110; 0, 7п.л.
3. *Джаббарова Е. Я.* Дневниковая проза М. Цветаевой: авторская концепция и законы жанра // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2018. № (2). Т. 19. С. 189–198; 0,5 п.л.

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

4. *Джаббарова Е. Я.* Категория женского в трактате «Письмо к Амазонке» // Уральский федеральный вестник. Сер.: ДРАФТ: Молодая наука. 2016. Вып. 5. С. 94–97; 0, 23 п. л.
5. *Джаббарова Е. Я.* Местоименная игра и имя собственное в прозе поэта (на материале очерка «Пленный дух» М. Цветаевой) // Пушкинские чтения – 2015. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: материалы XX Междунар. науч. конф.: [сб.] / Ленинградский гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; под общ. ред. В. Н. Скворцова. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. С. 329–333; 0, 3 п. л.
6. *Джаббарова Е. Я.* Осмысление времени и эпохи в художественной прозе М. Цветаевой // LITTERATERRA: Материалы V Международной конференции молодых ученых «Litteraterra: проблемы поэтики русской и зарубежной литературы» [Электронный ресурс]. (Екатеринбург, 2 – 3 декабря 2016 г.) / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург: [УрГПУ], 2016. С. 145–152; 0,46 п. л.
7. *Джаббарова Е. Я., Снигирева Т. А.* «Световой ливень» М. Цветаевой: специфика автопрезентации // LITTERATERRA: Материалы IV Международной конференции молодых ученых «Litteraterra: проблемы поэтики русской и зарубежной литературы» [Электронный ресурс]. (Екатеринбург, 4 – 5 декабря 2015 г.) / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург: [УрГПУ], 2015. С. 65–69; 0, 23 п. л./ 0, 23 п. л. (авторские не разделены)
8. *Джаббарова Е. Я.* «Твоя смерть» М. Цветаевой: имя и местоимение как знаки диалогичности текста // Уральский федеральный вестник. Сер.: ДРАФТ: Молодая наука. 2015. Вып. 5. С. 141–145; 0, 33 п. л.
9. *Джаббарова Е. Я.* Апология учителя (на примере статьи М. Цветаевой «Кедр») // LITTERATERRA: Материалы VI Международной конференции молодых ученых «Litteraterra: проблемы поэтики русской и зарубежной литературы» [Электронный ресурс]. (Екатеринбург, 1 декабря 2017 г.) / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург: [УрГПУ], 2017. С. 75–83; 0, 3 п. л.
10. *Джаббарова Е. Я.* Апология как интенция и как жанр литературно - критической прозы М. Цветаевой // ART LOGOS (ИСКУССТВО СЛОВА). 2017. № 2. С. 97–106; 0, 5 п. л.
11. *Джаббарова Е. Я.* Имяславие и местоимение в «Повести о Сонечке» М. Цветаевой // Дергачевские чтения – 2014. Русская литература: типы художественного сознания и диалог культурно-национальных традиций: материалы XI Всероссийской научной конференции с международным участием, Екатеринбург, 6–7 октября 2014 г. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2015. С. 91–96; 0, 2 п. л.

12. *Джаббарова Е. Я.* Местоименная игра в ранней лирике Марины Цветаевой // Уральский филологический вестник. Сер.: ДРАФТ: Молодая наука. 2014. Вып. 3. С. 125–129; 0, 4 п. л.
13. *Джаббарова Е. Я.* Поэт vs прозаик (статья М. Цветаевой «Мой ответ Осипу Мандельштаму») // Уральский филологический вестник. Сер.: ДРАФТ: Молодая наука. 2017. Вып. 5. С. 32–37; 0, 3 п. л.
14. *Джаббарова Е. Я.* Имя собственное и местоимение в очерке М. Цветаевой «Эпос и лирика современной России (о В. Маяковском и Б. Пастернаке)» // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия Филология. 2015. № 13. С. 113–118; 0, 33 п. л.